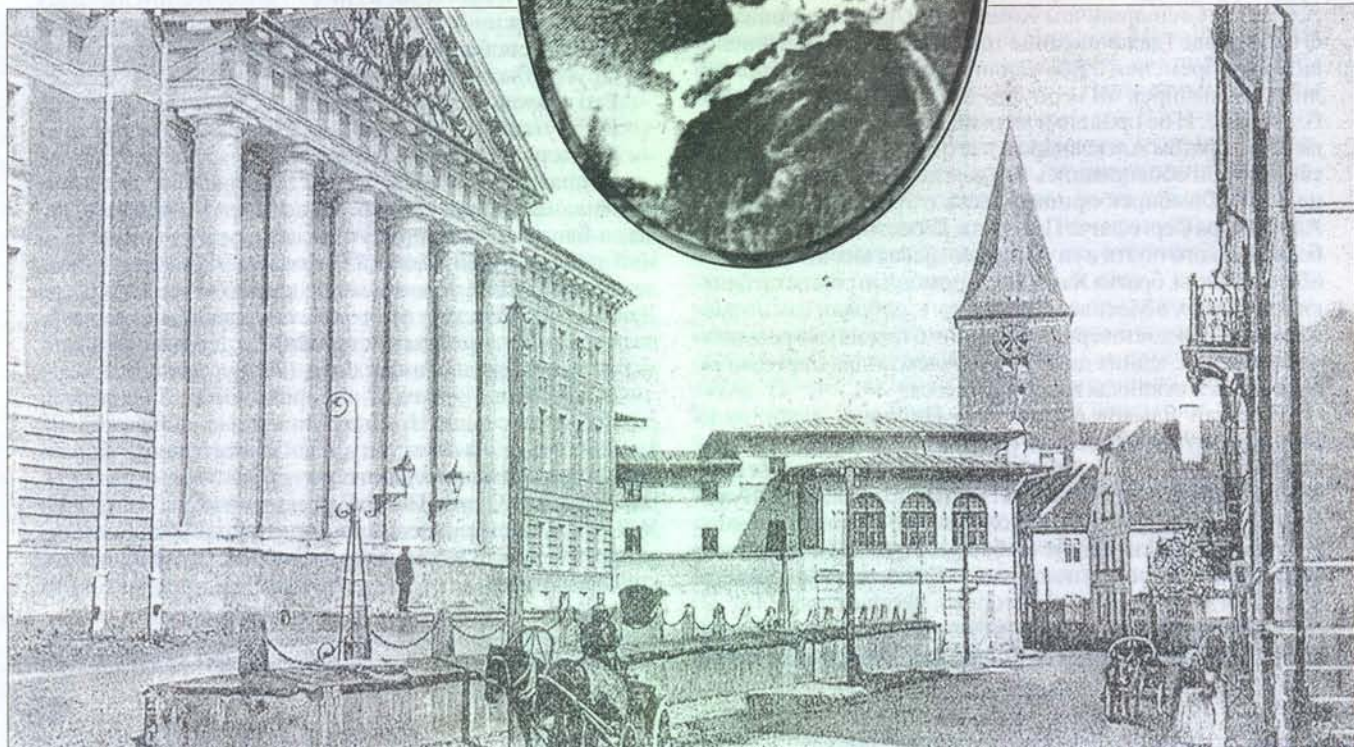




Они встретились в Дзержинске

Удивительно, что еще до первой встречи с Александрой у поэта появилось в душе предвосхищение любви. Из Дзержинска, где он учился, Языков пишет брату о том, что скоро сюда должна приехать Воейкова, и он слышал, будто все влюбляются в нее. Если это и с ним случится, то близкие узнают это по слогу его писем... И любовь пришла – безответная, мучительная и прекрасная, пережившая саму Александрину, которая ушла из жизни в расцвете лет. Умная, образованная хозяйка литературного салона, «звезда любви и вдохновения», Александра Воейкова сыграла неоценимую роль в развитии поэтического дарования Николая Языкова.



Евдокия Владимировна Языкова — автор популярных книг о русских художниках и писателях. Связанная родственными узами с Н.М. Языковым, писательница посвятила поэту несколько исследований, в том числе монографию «Поэт Николай Языков». Мы предлагаем вниманию читателей отрывок, посвященный А.А. Воейковой, возлюбленной поэта и адресату многих его стихов.

Бессмертная любовь поэта Языкова — Александрина... Александра Андреевна Воейкова.

О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий.

Как предполагают, это строки последнего стихотворения поэта. Видимо, о нем писал П.В. Киреевский брату поэта: «Паразитально, что его последнее слово и последняя мысль были обращены к отшедшим: к годам студенчества и к Воейковой...».

Он родился и умер Поэтом. Ни жены, ни детей. Но он любил. И кроется в его стихах тайна, ждущая разгадки. Но каким путем идти к разгадке, когда прошло столько лет? Искать ее можно только в самих стихах, отражающих состояние души поэта. Но как тщательно маскирует эти движения поэтической души Языков-человек!...

Первые любовные стихи, посвященные Воейковой, появились сразу же после знакомства с ней в Дерпте.

Александра Андреевна Воейкова (в девичестве Протасова), была племянницей В. Жуковского. Ко дню ее свадьбы с А.Ф. Воейковым Жуковский преподнес посвященную ей поэму «Светлана». В свете красавицу Воейкову называли Александриной и Светланой.

И вот в блестящем литературном салоне Воейковой появился в 1823 году двадцатилетний поэт, автор широко известных «эротических» стихов. И в то же время — застенчивый, робкий в присутствии Воейковой. Друг Пушкина и Языкова Алексей Вульф, завсегдатай салона, вспоминал: «Бывало недели в две раз придет к нам дикарь Языков, заберется в угол, промолчит весь вечер, полюбуется Воейковой, выпьет стакан чаю, а потом в стихах и изливает пламенную страсть свою к красавице, с которой и слова-то, бывало, не промолвит».

Во многих литературоведческих источниках можно прочесть, что образ Воейковой «чисто литературный», что Александрина — это своего рода Лаура, Беатриче, женский поэтический гений, воодушевляющий творчество. Как доказать, что это была реальная любовь? Как раскрыть тайну поэзии, если сам поэт в письмах, в комментариях к стихам стремится опровергнуть смысл стихотворных строк? Если даже брату он пишет, чтобы тот не толковал его стихи «в любовную сторону».

Языков не был бы великим поэтом, если б строки его стихов не выражали бы с предельной достоверностью истинность его чувств. В стихах, обращенных к Воейковой, мы встречаем и яростные вспышки ревности, и элегическую грусть, и мольбы, и разочарование обманутых надежд, даже иронию.

А последние в жизни Языкова стихи? Последние его строки?

О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!

От предвосхищения любви — до последнего вздоха — о ней. Об Александрине. Может быть, Николай Языков так и остался одиноким из-за любви к ней? Но поэт не мог «скомпрометировать» Воейкову, принадлежащую к «высшему свету».

Вновь и вновь вчитываясь в стихи, я с изумлением остановилась на элегии, по настроению, по тону очень близкой стихам, обращенным к Александрине:

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость

Души лирической твоей?
Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.
Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею;
Ты назови меня своим!

Вглядываясь в известный портрет А. А. Воейковой: рисунок Ксавье де Местра... Нет... Видимо, ошиблась. На рисунке — жгучая, черноглазая брюнетка. А здесь «златистый шелк твоих кудрей... Лазоревые очи...». Все же очень обидно отказываться от догадки. В библиотеке листаю издание 1915 года. Н.В. Соловьев. «История одной жизни. А.А. Воейкова. «Светлана». Первый же портрет представляет светлоглазую, русоволосую красавицу в романтически написанных развевающихся одеждах, и даже рисунок Ксавье де Местра (до многочисленных типографских воспроизведений) представляет Воейкову светловолосой. Да! У нее были в детстве «русые кудряшки». И у нее были голубые глаза, необычайной воздушности стан, и звали ее за эту воздушность — Сильфидой. Ее любили за пленительный радостный характер.

Пересматривая различные комментарии к стихотворению, я увидела в одном из них беглое, загадочное замечание. Стихотворение при публикации было «подписано инициалом «У». Почему Языков подписывается «У»? Далее в комментарии следует замечание в скобках: «быть может, следует читать латинское «V». И далее сообщается, что в автографе, имеющемся в альбоме у графини Комаровской стихотворение «имеет ту же подпись». И вот все становится на свои места. Не подпись — зашифрованное посвящение! «V» — первая, но только латинская буква фамилии — Воейкова. Так зашифровал поэт имя той, кому посвящалась элегия. И поместил под стихотворением. Как подпись.

Дорога поисков все дальше уводила за призраком любви поэта — Александриной. Но чтобы догадка превратилась в неопровержимое доказательство, недоставало самого автографа. За прошедшие полтора столетия типографии набирали эту загадочную букву, перекожевавшую позднее в комментарии, разными по рисунку шрифтами. Нужно искать автограф в альбоме Анны Евграфовны Шиповой, урожд. графини Комаровской. Но сохранился ли вообще до наших дней этот альбом?

В описании альбома сообщалось, что он заполнен автографами известных писателей и политических деятелей XVIII-XIX вв., что в нем есть письма, послания, стихи, «написанные собственноручно» Гюго, Бальзаком, Фридрихом Великим и Бисмарком, записки Г.Р. Державина, Дениса Давыдова, Крылова, Жуковского и... «превосходный, единственный в своем роде» автограф Пушкина — его стихотворение «Муза». Открываю академическое издание Пушкина. И вот, в комментариях к «Музе», ссылка на тот же самый альбом Шиповой-Комаровской. Место хранения — ПД. Так вот где искать автограф Языкова! В Пушкинском доме!

...Ленинград. За окном с неторопливой величием плещутся невыеские волны. Выслушиваю любезно-непреклонное: «Да, этот альбом у нас. Но увидеть его



нельзя. Совершенно невозможно. Пушкинский фонд – закрытый».

Разгадка рядом. В двух шагах. И неужели я не смогу увидеть автограф Николая Михайловича? Нет, бессмертна дружба поэтов! Она поможет в разгадке тайны элегии Языкова. В это верила я твердо. С визой «в порядке исключения» я слетаю по торжественной лестнице в отдел рукописей, и мне назначают день свидания с альбомом.

Ожидание этого свидания было таким трепетным, и в назначенный час передо мной открылась заветная дверь, куда обычно вход – только хранителям драгоценных тайн. На старинном письменном столе красного дерева уже приготовлен альбом Анны Евграфовны Шиповой-Комаровской.

Разглядываю блестящий узорный переплет из коричневатой-вишневого тисненой кожи, узорные наугольники, застёжки, сложное плетение монограммы владелицы альбома – все выполнено с изысканной строгостью, подчеркивает парадность альбома. Автограф открыт...

И сразу бросается в глаза внешнее отличие записи элегии, сделанное рукой самого поэта, от ее типографского воспроизведения. Эти стихи, написанные рукой самого поэта и теперь лежащие передо мной, рассказывают больше, чем аккуратно набранные в типографии строчки. По тому, как элегия расположена на бумаге, видно, что для автора она не была единым стихотворением, а резко разграничивалась на три смысловые части.

Случайно ли, нет ли, но два первые пятистишие отделены друг от друга легким росчерком в форме «V», напоминающим инициал «ее» фамилии в латинском начертании. При типографском наборе эти разделения сначала обозначались звездочкой, потом группой звездочек, затем только пробелами. Последнее пятистишие, завершающееся словами: «Ты назови меня своим», подписано немецкой буквой «йот». Конечно же, это первая буква фамилии самого поэта. Языков часто расписывался по-немецки. Такая подпись факсимильно воспроизведена под портретом Языкова в большой серии «Библиотека поэта» в 1948 году. В Ульяновске, во Дворце книги, хранится несколько книг из личной библиотеки поэта также с его росписью по-немецки.

В свои книги Языков элегию эту не включал, и в журнальной публикации через год после кончины Воейковой тоже не подписал фамилию открыто, а лишь инициалом. Хранящийся в Пушкинском доме альбом дает вещественное доказательство того, что элегия «Мне ль позабыть...» посвящена Воейковой.

Рассматриваю эту изящную вклейку. Поэт написал стихи на тончайшей бумаге, а владелица альбома вклеила их, очертив листок черной тушью; автограф словно обведен рамочкой паспарту. Даты нет. Но, хотя вклейка не датирована, примыкает она к группе автографов 1827 года. А ведь первая публикация состоялась не в 1827, а в 1830 году! Если предположить, что автограф был подарен позже, но вклеен в альбомные листы рядом с автографами, датированными именно 1827-м годом, значит, это имело какое-то значение.

Вернемся к событиям этого года в жизни поэта. В этом году Воейкова навсегда простилась с родиной. Она уезжала с детьми в Италию. В ее дневнике этого года есть запись: «Счастье прошлого, прекрасные дни, возвратитесь ли вы? Или передо мной будет только смерть?»

Характер мужа обрекал безропотную «Светлану» на страдания, усилившиеся с каждым годом. После смерти Александрины говорили, что Воейков замучил ее своим нравом.

Вернуться на родину Александре Андреевне не было суждено. Весной 1829 года любимая племянница Жуковского, его ученица, его Светлана, скончалась в Италии, в Пизе, и была похоронена в Ливорно.

Итак, в 1827 году в предчувствии близкой смерти А.А. Воейкова уезжала навсегда.

Какие события стоят за стихотворной строкой? На это тем труднее ответить, чем удаленнее от нас время написания стихотворения. Но живой голос истинной поэзии несет далеким потомкам тайну подлинных чувств.

Первая строфа элегии – это обещание помнить. Сразу возникает образ женщины прекрасной, забыть которую невозможно.

Портретный образ Воейковой здесь сохранен точно, но эмоциональный строй описания передает восторженность поэта, любящего этот лик и душу.

«Милое, восхитительное ребячество», – писал о Воейковой Жуковский. Эти слова по смыслу очень близки строчке Языкова «беззаботная игривость души лирической твоей». В строках Жуковского и Языкова как бы проглядывается один образ, один и тот же женский характер, увиденный глазами по-разному любящих ее людей.

Стихотворные строки редко имеют буквальный смысл. В искусстве невозможно ставить знак равенства между вдохновением и жизнью. Но в прощальной элегии это совпадение оказалось буквальным.

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов,
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

В чем же мог заключаться «странный смысл прощальных слов»?

Воейкова чувствовала, что жизнь борется в ней со смертью. Что могла сказать женщина своему любимому перед вечной разлукой? Не то ли, что любовь ее будет принадлежать ему вечно?

И вот, вслед за росчерком «V», резко отграничивающим последнюю строфу от двух предыдущих, следует могучее по силе лирического подъема, последнее пятистишие элегии, исполненное пламенного внутреннего волнения, клятва сохранить тайну обоюдной любви; самоотречение поэта, обет молчания во имя любви – вот что такое завершающая строфа элегии.

Но я поэт – благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

После завершающей строки, как подпись под клятвой, и следует в автографе лишь начальная, замаскированная буква фамилии поэта в нерусском начертании.

Воейкова слишком хорошо знала нравы света, была близка ко двору, знакома с «царствующими особами». К тому же мрачная фигура ее собственного супруга была хорошо известна Александрине. Она опасалась интриг, плести которые умели в свете и в литературных кругах.

Исследователи творчества Языкова обычно отмечают разницу в лирической интонации и содержании стихотворений Языкова, посвященных Воейковой, в начале его творчества и во второй половине жизни поэта. Действительно, в цепи этих стихотворений словно недостает связующего звена. Но прощальная элегия «Мне ль позабыть...», написанная в год отъезда Воейковой в Италию, перед ее разлукой с поэтом, соединяет эту разорванную цепь.